

17. Kumaniecki, J. Wobec układu w Rapallo / J. Kumaniecki // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studzia i materially. – 1966. – Т. 2. – С. 253 – 265.
18. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалло. Сборник документов. В 2 т. – М.: Политиздат, 1971.- Т. 2. – 596 с.
19. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. П. 212. – Д. 52567.
20. Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 8. – 862 с.
21. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. П. 213. – Д. 52596. Т. 2.
22. Известия. 1924. 19 августа. – № 187 (2222).
23. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Госиздат, 1926. – 657 с.
24. Dokumente zur deutschen Geschichte 1919 – 1923. [Текст]. – Berlin: Deutscher Verl. der Wissenschaft, 1975. – 104 s.
25. Известия. 1925. 20 мая. – № 113. (2446).
26. Stresemann, G. Vermachtnis. В. 1 – 3 / G. Stresemann – Berlin, 1932. – В. 2. – 611 s.
27. Паевский, Я. Немецкие попытки натиска на Восток в период империализма / Я. Паевский // Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. – М.: Прогресс, 1965. – С. 237 – 251.

ПЕРЕЖИВШИЕ: ВОСПОМИНАНИЯ МАЛОЛЕТНЕЙ УЗНИЦЫ ФАШИЗМА

Никитенкова Л.П.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Устная история как особое направление исторической науки получила сегодня широкое распространение, потому что созвучна потребности нашего общества изучать недавнее прошлое через призму воспоминаний тех людей, которые были свидетелями и участниками значимых событий нашей жизни.

Одна из страниц Второй мировой войны, касающаяся людей, угнанных в Германию на принудительные работы, получила освещение только в девяностые годы прошлого столетия. Возросший интерес историков, литераторов к жизни простых людей способствовал появлению воспоминаний тех, о которых раньше и не говорили.

Моя мама, Манцивода Клавдия Константиновна, два года провела в фашистской неволе. Небольшая часть её воспоминаний опубликована в районной газете «Прамень» г. Столбцы от 10 апреля 2010 г.

Война на Дятловщину Гродненской области (в начале 40-х годов это была Барановичская область) пришла уже через неделю после её объявления. Уже в понедельник деревня Савичи, где проживала семья моей матери, была взята без выстрелов. Началась жизнь на оккупированной территории. Мама была младшей среди пятерых детей в семье Лебецких.

Она вспоминает: «Летом 1943 г. немцы начали брать молодёжь на работу в Германию. Прислали карты и в нашу деревню многим ребятам и девушкам, в том числе и моей сестре Елене, чтобы явились в Дятлово на комиссию. Никто из нашей деревни не пришёл в назначенное время, начали прятаться. Через несколько дней чуть свет окружили деревню немцы и полицаи и начали хватать кого нашли. Сначала заходили в те дома, кому были присланы карты. Мои старшие сестры успели спрятаться, а я осталась дома, так как была маленькой, худенькой, и родители не

думали, что меня могут забрать. Но немцы, вскочив в дом, схватили меня и под дулом пистолета погнали по деревне. Набрав нужное количество народа, отправили под конвоем в Дятлово на приемный пункт, который находился в школе. Никого к нам не подпускали, так как считали нас арестованными. Немцы нас из дому забрали в чем мы были одеты. Наши родители собрали кое-какую одежду и хлеб и успели принести нам в Дятлово эти передачи. Нас погрузили в машину и отправили на железнодорожную станцию Новоельня, где перегрузили в телятники, закрыли и повезли. В Белостоке нам разрешили выйти из вагона, под конвоем сходить по своим нуждам и попить воды и снова загнали в вагон.

Привезли нас в Германию, на какой-то станции выгрузили и погнали строем по дороге. Было очень тяжело идти. Сами усталые, жаркая погода стояла. Пригнали в распределительный лагерь, который находился в лесу. Там было очень много народу. Прошли санобработку. Нас смазывали какими-то жидкостями, потом мыли в огромной бане под душем. Всю одежду обработали отдельно и возвращали нам. Здесь мы проходили комиссию. Нас фотографировали с номером, который был написан на дощечке. Брали отпечатки пальцев и выдавали на руки карту, кому жёлтую, кому зелёную. А затем по этим картам увозили из лагеря».

Мама попала во Франкфурт-на-Майне в лагерь «Бонамес», где находились пленные разных национальностей: французы, западные и восточные славяне. «В лагере нас зарегистрировали. Выдали латки с надписью «OST», потребовали пришить на все одежды на груди, сказали, что без этой латки мы не должны быть даже в бараке. Выдали карточку на питание на неделю, на которой был написан номер. Мой номер в этом лагере был 3502. Предупредили, что если потеряем карточку, то не получим еду. На ноги выдавали деревяшки-гольцшуй. Подошва – деревянная, толстая с железными гвоздями или шурупам, чтобы не сбивались. Они были очень тяжелые. А одежду привозили, сгружали в кучу (понятно, откуда она бралась), приводили нас, чтобы выбирали, если у кого что порвалось. Распределили по баракам. Комнаты большие, там стояли двухъярусные кровати».

Определили её на работу на фабрику «Люффтарт». «Каждое утро (видимо, в три часа, потому что песню сочинили «... в три часа я встаю на работу, как не хочется мне вставать») раздавался свисток, поднимались и шли со своими карточками в столовую. Ложки и миски нам выдали, и мы их должны были носить с собой. На завтрак получали кусочек хлеба и немножко кофе. После еды начиналось построение на работу. Вызывали по номерам, строили в колонну и под конвоем с собаками гнали на фабрику, которая находилась на расстоянии трёх километров от лагеря. Работали в две смены по 12 часов.

Я была маленькая, худая двенадцатилетняя девочка. Мне подставляли ящик, чтобы смогла достать до станка. Из железных болванок учили выгачивать детали, пользоваться штангенциркулем. Мастер предложил работу уборщицей служебных помещений и работать только днём под руководством пожилой немки. Когда убирали комнаты и выносили мусорные коши в общую мусорку, то иногда находили среди бумаг кусочки хлеба. Это уже было для нас счастьем. Иногда какая-нибудь немка сунет незаметно бутерброд, чтобы другие не видели. Они не верили, что нас силой забрали из дому, думали, что из России едут добровольно всей семьёй. А когда узнали, что я одна без родителей, то тихо возмущались. Наша немка была очень хорошим человеком. Она каждый день после обеда ходила на немецкую кухню и приносила нам какие-нибудь объедки.

Очень частыми были воздушные налёты. Гудели сирены и нас загоняли в бомбоубежища, которые были около цехов, а в лагере – около барачков. Когда бомбили, то всё гудело и тряслось от разрыва бомб и стрельбы зениток. Это ужасное зрелище. Эти

гудки тревоги наводили такой ужас, что люди молились о спасении. Пленные в полной мере чувствовали и голод, и тяжёлую работу, и лишения. Очень боялись заболеть. В лагере был отдельный барак с газовой камерой, куда отправляли тех, кто провинился или заболел. Оттуда никто не возвращался».

Весной 1944 г., когда был открыт второй фронт, фабрику эвакуировали во Францию, недалеко от г. Мец. Там жили в лагере за ключевой поволокой. «В 12 км от города в горах находились старые укрепления-дзоты, куда и разместили фабричное оборудование. Вначале работали грузчиками. Возили на машинах на станцию, где разгружали вагоны, а вечером привозили назад в лагерь. Здесь вначале было очень плохо с едой, долго не гоняли в баню, так что даже появились вши. Когда заработали станки, кухня, санобработка, тогда немножко стало легче. Здесь не было воздушных налетов».

Мама помогала поварам, что давало ей возможность спастись от голода. Осенью того же года пленных вернули в Германию и погнали на границу с Польшей рыть окопы. Спали не раздеваясь в хлевах, было очень холодно. Когда приблизился фронт, пленных отправили в Чехословакию в г. Райхенберг. Там жили в лагерях и работали.

«7 мая 1945 г. нас подогнали ближе к фронту в какую-то безлюдную деревню. Выдали нам дневной паёк, сказали, чтобы разошлись по домам и не выходили на улицу, потому что возможно будет стрельба. Оставили нас одних. Все конвоиры уехали обратно. Мы (около десятка человек из Западной Беларуси) спрятались в подвале отдалённого от улицы дома. Слышали, как гудели мотоциклы, стреляли из пулемётов, но сидели очень тихо, боялись даже заговорить друг с другом. Когда рассвело, мы вылезли из своего убежища и увидели через окно колонны наших солдат, идущих по улице. Они были усталые, угрюмые, запылённые. Нас освободили 8 мая 1945 г. Одна воинская часть остановилась в этой деревне. Нас накормили. Мы тут же стали собираться идти домой. Нашли детские коляски, оставленные жителями деревни, положили в них свои одежки, солдатский хлеб и утречком следующего дня, 9 мая, отправились домой. По дороге нам сообщили солдаты о Победе. Перешли через р. Одер по мосту и дошли до г. Ополе. Здесь нас задержали, отвели в комендатуру, допросили, всё подробно записали и прикомандировали к воинской части, которая здесь находилась. Мы целое лето пасли коров, которых собирались гнать в СССР. Кормили нас здесь хорошо, молока хватало. В конце августа вместе с этой частью погнали 500 коров к границе. Днём гнали, а ночью останавливались на привал. Дежурили около коров по очереди вместе с солдатским патрулём. Спали на солдатских повозках. Когда дошли до границы, нас по одному вызывали энкаведисты и под дулом пистолета допрашивали, всё записывали. После проверки нам разрешено было гнать коров дальше. Выдали нам документ, который мы должны были предъявить в органы после прибытия к месту жительства. Около Лунища нас из Барановичской области в конце сентября 1945 года отпустили домой».

После войны жизнь моей мамы сложилась следующим образом. Окончила Гродненский пединститут, вышла замуж и переехала на место жительства в г. Столбцы Минской области. 39 лет проработала учителем математики в школах города, имеет многочисленные награды, грамоты. Возглавляла городскую общественную организацию малолетних узников. Их теперь в Столбцах осталось 16 человек. Сегодня – пенсионерка, но продолжает вести активный образ жизни. Выступает на встречах с молодёжью, поёт в церковном хоре.

Действительно, история государства и общества складывается из отдельных историй простых людей.